

Джиён остался непреклонен. Если старший брат не справляется, то это обязанность лидера. К тому же, зачем Син Ми пить алкоголь? Победа могла бы выпить немного, но Син Ми явно не справится.

Смотря на строгого и непреклонного лидера, Сынхён сделал Син Ми жест, будто говоря: «Вернёмся, я дам тебе выпить немного». Син Ми тихонько усмехнулся и сделал знак «окей».

Кроме Джиёна, который продолжал изображать строгость, остальные трое, увидев их взаимодействие, сделали вид, что ничего не заметили.

Один — именинник, другой — старший брат, третий — лидер. Никого из них лучше не злить.

Кхе, им лучше просто молчать.

Когда они закончили ужин и сели в машину, чтобы вернуться в общежитие, было уже поздно.

Выйдя из машины, пока остальные не заметили, Сынхён увёл Син Ми в сторону.

Когда Джиён и остальные добрались до общежития, они заметили, что двоих не хватает.

Джиён нахмурился, явно вспомнив обещание Сынхёна дать Син Ми выпить. Остальные молчали, наблюдая, как лидер садится на диван с сердитым лицом и начинает звонить, а сами пошли в свои комнаты.

Хотя Сынхён иногда был ненадёжным, но он всё же был самым старшим, так что, вероятно, всё будет в порядке. Ну, должно быть.

Джиён звонил долго, но никто не отвечал, и его настроение ухудшалось. Что за дела у Сынхёна?

А Сынхён был ещё более раздражён, чем Джиён. Он смотрел на парня, который обещал выпить только один бокал, но выпил целую бутылку. Он оглянулся и тихо сказал:

— Эй, Ми, хватит.

Если он продолжит, я точно получу взбучку от кого-то!

Сынхён уже начал сожалеть.

Особенно когда заметил, что Син Ми, выпив, покачал головой и упал на стол, бормоча что-то непонятное. Сынхён уже мог представить, каким взглядом Джиён будет смотреть на него.

Натянув шапку Син Ми пониже, Сынхён повёл его обратно в общежитие.

К счастью, Син Ми был спокойным в пьяном виде. Он не буянил, не кричал, только продолжал что-то бормотать. Сынхён иногда поглядывал на него и думал, что это даже мило.

Не ожидал, что после выпивки он превратится в пьяного котёнка.

Но его способность пить оставляла желать лучшего.

С лёгкостью доставив брата в общежитие, Сынхён, неся Син Ми на спине, нажал на звонок, но услышал, как Син Ми чётко произнёс:

— Я тоже могу быть красивым.

Услышав это, он не смог сдержать смеха.

В этот момент дверь открылась, и он не был удивлен, увидев лицо Джиёна, чёрное от гнева. Сынхён сделал вид, что ничего не заметил, и сказал:

— Этот парень напился, забери его, я устал.

Джиён, глядя на старшего брата, который не проявлял ни капли раскаяния, нервно дёрнулся, но всё же взял пьяного Син Ми, чьё лицо было ярко-красным. Он нахмурился:

— Сколько ты ему дал выпить?

Сынхён сел на диван, наблюдая, как Джиён усаживает Син Ми, и сказал:

— Это не моя вина. Он обещал выпить только один бокал, но выпил целую бутылку.

— Целую бутылку, и он так напился, — Джиён присел на корточки и с улыбкой похлопал Син Ми по лицу.

— Да, он совсем не держит алкоголь. Я устал, пойду приму душ, — Сынхён кивнул, встал и посмотрел на Джиёна. Через мгновение он добавил:

— Джиён, с Ми сегодня что-то случилось? Ты знаешь?

Джиён, услышав это, остановился, продолжая гладить лицо Син Ми, и повернулся к старшему брату с серьёзным взглядом:

— Сынхён...

Сынхён махнул рукой и пошёл в свою комнату:

— Сегодня лучше за ним присмотри.

— Я тоже могу быть таким же красивым, как Джиён, — Джиён вдруг услышал слова Син Ми и замер. Затем он услышал продолжение:

— Так почему...

Джиён усмехнулся. Ты тоже считаешь меня красивым? Он повернулся к Син Ми, но увидел, что тот, который только что полужакрывал глаза, теперь был в слезах.

Он поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и прозрачные капли медленно стекали по его щекам. Свет в гостиной освещал его лицо, придавая ему лёгкий блеск.

Он плакал красиво.

Джиён, заметив, что Син Ми не издаёт звуков, когда плачет, обнаружил ещё одну особенность.

Плачущий Син Ми был красивым настолько, что это пугало.

Джиён убрал его руку и увидел, что его серые глаза, обычно ясные, теперь были затуманены, что вызывало странное чувство боли. Слезы продолжали катиться, и Джиён мог слышать, как Син Ми иногда тихо сглатывал. Если бы он не был так близко, Джиён бы этого не услышал.

Как маленькое животное, он тихо выражал свою печаль.

И по-прежнему не было слышно никаких звуков.

Джиён вдруг почувствовал острую жалость к Син Ми, который так сдерживал свои эмоции. Он отодвинул волосы Син Ми, смоченные слезами, и продолжал вытирать его лицо, снова и снова. Когда он заговорил, он заметил, что его голос почему-то стал хриплым:

— Ладно, ладно.

Он не знал, что сказать. Впервые он почувствовал, что не умеет утешать.

Но он хотел, чтобы Син Ми остановился.

Не плачь, не грусти. Это действительно заставляет и других грустить.

С такими мыслями его движения стали ещё более нежными, успокаивающими.

Смотря на Син Ми, чьи глаза уже потеряли фокус, но слёзы продолжали течь, а губы шевелились, бормоча что-то, Джиён почувствовал, как его мозг словно затуманился. Палец, который вытирал слёзы, неожиданно оказался на губах Син Ми, и мягкое тепло заставило Джиёна очнуться.

Он смотрел на свой палец, затем убрал его, заметив, как тепло распространяется по его лицу. Джиён невольно выругался.

Сжимая руку в кулак, он смотрел, как Син Ми, с закрытыми глазами, отворачивается, и с силой кашлянул, прежде чем медленно поднять его с дивана.

Син Ми пах алкоголем, и Джиён не мог просто оставить его спать в таком состоянии. Он повёл его в ванную.

Когда он наконец усадил Син Ми в ванну, Джиён подумал и похлопал его по лицу:

— Эй, ты можешь сам помыться?

Ответом были всё те же затуманенные глаза Син Ми.

Помедлив, Джиён похлопал себя по лицу:

— Фух, я действительно...

Затем, словно сделав большое усилие, он начал раздевать Син Ми, сохраняя спокойное выражение лица, но его уши покраснели, и он сам не мог понять, почему нервничает.

Но пьяный Син Ми был удивительно послушным. Когда Джиён просил его поднять руку или ногу, он делал это без проблем, что значительно облегчило задачу.

Наконец, раздев его, Джиён наполнил ванну водой, проверил температуру и, удовлетворённый, посмотрел на Син Ми, который смотрел на него красными глазами, полными слёз. Джиён ущипнул его за щеку и пробормотал:

— Бесполезный.

Но, сказав это, он отпустил его и провёл пальцем по его покрасневшему уголку глаза, слегка нахмурившись.

Из-за девушки довёл себя до такого состояния. Бесполезный.

Хотя сам Джиён в своё время вёл себя ещё хуже. Типичный двойной стандарт.

Взяв полотенце Син Ми, Джиён начал вытирать его лицо. Поскольку он никогда раньше этого не делал, он не мог контролировать силу, и, видя, как Син Ми морщится, он с досадой убрал руку. Эй, зачем ты хмуришься? Сейчас заплачешь?

С такими мыслями он стал намного осторожнее, думая про себя: «Я даже с девушкой не был таким нежным, как с тобой».

Смотря на Син Ми, который перестал хмуриться и теперь с удовольствием прикрыл глаза, Джиён не заметил, как улыбка не сходила с его лица.

Прямо как котёнок.

Когда Джиён наконец закончил мыть Син Ми, он отвел его в комнату.

Чёрт, если бы не твой день рождения и не твоё расставание...

Уложив его на кровать, Джиён, вспотевший, потянул свою одежду и, глядя на уснувшего Син Ми, собирался пойти в душ, но, подойдя к двери, услышал глухой удар. Он вздрогнул и обернулся.

И снова увидел, как Син Ми упал с кровати.

<http://bllate.org/book/15544/1383146>